

РАЗДВИНУЛСЯ занавес.

Актеры еще не успели произнести ни одного слова: кажется, спектакль словно застыл перед прыжком в неизвестность. На самом деле он уже живет, на самом деле со зрителем уже встретилась частица искусства театра — искусство его художника.

Этот момент многое решает в жизни спектакля: от него зависит настроение зрителей, тот путь, каким они пойдут к постижению событий и характеров пьесы. В это мгновение работа художника становится визитной карточкой спектакля, первым словом, которое театр говорит своему зрителю, и небезразлично, как он его скажет, как распорядится доверием зрителей с самого начала.

Предположим, что вы ничего не знаете о пьесе В. Пистоленко «Дом над обрывом»; не знаете, что речь в ней идет о строениях столицы, о борьбе нового со старым, с мелкими эгоистическими страстями, мещанством и себялюбием. Но на суперзавесе спектакля вас поражает резкий, враждебный контраст между широкими просторами новостроек, раскинувшихся до самого горизонта, и стареньким домиком, пристроившимся у края кулисы. Верный тон задан, противоборствующие силы готовы вступить в бой — сейчас поплывет вверх суперзанавес, противники сойдутся — разговор о жизни начинается...

Так встречает зрителя Александр Бомштейн, главный художник одного из небольших столичных театров — Московского областного театра драмы. Встречает просто и доверительно, властно пробуждает внимание, ведет за собой в мир спектакля.

— Если попытаться определить особенности дарования, интересы этого художника, то вернее всего будет сказать, что Бомштейн постоянно ищет современное решение спектакля, будь то пьеса русского классика, советского или зарубежного драматурга. И всегда искусство Бомштейна волнует своей человечностью.

При этом работы Бомштейна очень разные и не замыкаются в кругу однотипных решений.

Вот всю сцену занял приземистый и крепкий дом. Художник сложил его из толстенных черных бревен, накрыл массивной крышей с мощными балками перекрытий. В доме горела печурка, и красные блики бродили по горнице. А за стенами вставали такие же зловещие

зарницы войны. Дом-блиндаж, трагическая полутма вводили в мир пьесы Б. Горбатова «Одна ночь» и ни в какой другой — мир мужества и горя, измены и подвига, в трагическое военное время.

А в «Сверчке» Тадеуша Кожушника вся декорация была голубой, как весен-

ним, кипят общественные страсти, доведенные до того предела, за которым люди берутся за оружие. Его герои втянуты в орбиту ожесточенной борьбы за справедливость, пытаются понять механику социальных противоречий; униженные, оскорбленные, полные правой ненависти, они идут к Антонио Бар-

40 СПЕКТАКЛЕЙ ХУДОЖНИКА

Эскиз театрального занавеса к спектаклю «Мэр района Санита». Худ. А. БОМШТЕЙН.

русский, Сухуми, Рига и Запорожье, Белгород и Харьков и многие другие города страны. Знают и любят.

Мы уверены, что если вам доведется побывать на спектаклях Московского областного театра драмы и познакомиться с работами Александра Бомштейна, то и вы убедитесь, что у маленького московского театра есть большой художник, вступивший в пору творческой зрелости. Вы полюбите его искусство.

Р. АФАНАСЬЕВ,
А. ЯКУБОВСКИЙ.

нее небо. Да ее, собственно говоря, почти не было: голубой задник, голубые же дома — кулисы с разноцветными окнами да покрытые цветами розовые яблоньки. В этот весенний и юный мир врывалась ватага студентов. В руках у них были ширмы, свернутые в трехгранные призмы. Под веселую музыку в свете цветного серпантина актеры кружились в вальсе и в танце расставляли призмы. Вспыхивал яркий свет — и словно по мановению волшебной палочки на пустой еще недавно сцене возникало студенческое «Бюро добрых услуг». Опять музыка, танец, серпантин — и декорация уже представляла жилую комнату. А над всем возвышалось «колесо обозрения» — карусель, ставшая живописным символом этого смешного и радостного спектакля о любви, недоразумениях, молодости.

В одном случае — реалистическая достоверность, сконцентрированная до символа, в другом — поэтическая условность, задающая спектаклю особое юношески-задорное настроение. И то, и другое решение соответствовало драматургии, давало яркий образ происходящего и в то же время было оригинальным, а декорация активно воздействовала на воображение зрителя.

В спектакле «Мэр района Санита» по пьесе Эдуардо де Филиппо декорация существенно расширяет звучание спектакля, рвется от бытовой достоверности к страстному символу, социальному обобщению. В спектакле, поставленном режиссером Р. Вартапетовым,

добровольному их судье и защитнику, заступничеству и помощью. Вот они заполнили залу дома «мэра», самые разные люди, пришедшие сюда по своей воле и вынужденные необходимостью. И просторная, уставленная затейливой удобной мебелью зала — бессменная декорация спектакля — с каменным полом, расчерченным плитами, неожиданно напомнила городскую площадь, где вершит свой суд Антонио Справедливый, где надежда, отчаяние и ненависть торопятся сменить друг друга. Свет сюда проникает сквозь высокие окна и спорит с глубокой чернотой стен. Темпераментная и лаконичная декорация раскрывает внутренние контрасты этого запоминающегося спектакля. Более того — декорация во многом определяет его тревожный и страстный призыв к борьбе за правду и счастье угнетенного народа...

Глубинная тема произведения всегда отчетливо воспринимается художником. В «Иркутской истории» А. Арбузова декорацию составляли железобетонная плита (основное место действия) и молния-волнолома, стремительно по диагонали через всю сцену устремившаяся к панораме электростанции, словно дорога в будущее.

Встреча художника с нынешним руководителем театра режиссером Р. Вартапетовым была удачной для обеих сторон. В спектаклях, созданных ими совместно, ощущаются единая направленность поисков художника и режиссера, совпадение их темпа, творческой манеры,

преданность искусству театра.

В труднейших условиях передвижного театра Бомштейн выпустил около 40 спектаклей, создавая отличное портативное оформление. Его замыслы рождаются не только в тиши студии, но и под стук железнодорожных колес: искусство его знают, помимо столицы, Донецк, Днепропетровск, Ленинград, Ново-